

УДК 330.8

ИМЕЮТ ЛИ ИНСТИТУТЫ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ?

Д.П. Фролов

Фролов Даниил Петрович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой. Волгоградский государственный университет, пр-т Университетский, 100, Волгоград, Россия, 400062. E-mail: ecodev@mail.ru.

В статье обсуждается значение институтов как предмета пространственного анализа, компонента экономического пространства и объекта территориального стратегического регулирования. Выявлены методологические противоречия современной теории пространственной экономики, связанные с противопоставлением институциональных и географических факторов, игнорированием полиморфизма институтов и роли институциональных конфигураций, преобладанием экзогенной интерпретации институтов. Систематизированы проблемы измерения качества институтов и их интеграции в территориальные стратегии, в том числе игнорирование комбинирования институтов с другими факторами пространственного развития, абсолютизация роли интегральных индикаторов, слабость методологической и методической базы формирования институционально ориентированных стратегий на региональном и локальном уровнях.

Институты, экономическое пространство, институциональные конфигурации, институционально ориентированные стратегии, когнитивно-институциональный подход.

DOI: 10.14530/se.2015.1.014-037

Тезис Д. Норта «институты имеют значение» [30] стал признанной аксиомой экономической науки и символом выдвижения институциональной проблематики в центр ее наиболее актуальных проблем, но параллельно породил множество интерпретаций и производных вопросов, один из которых все еще остается без четкого ответа – «имеют ли институты значение для регионального развития?» [37] и, шире, для развития пространственных образований любого масштаба. Попытка ответа на него предполагает, в свою очередь, постановку ряда уточняющих вопросов, которые являются узловыми точками данной статьи, посвященной разработке институциональной «повестки дня» для теории и практики пространственной экономики.

ИНСТИТУТЫ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ, НО ПОЧЕМУ ОНИ ПРОТИВ ГЕОГРАФИИ?

Поскольку «формирование повестки дня – это процесс привлечения внимания к вопросам в определенном сообществе субъектов» [27, р. 313], особое значение имеет формулировка исходного вопроса, задающего общую направленность дальнейшим рассуждениям. Вопрос о причинах и промежуточных результатах продолжающихся более десятилетия дискуссий под общим брендом «география versus институты» [14; 18; 28; 34; 38; 39; 40] является в этом смысле символичным. Причинность этих многолетних дебатов обусловлена стремлением ученых выявить ключевой фактор макроэкономического развития, что выразилось в жестком противопоставлении факторов географического характера (обеспеченность природными ресурсами, экономико-географическое положение, климатические условия и др.) и институциональных факторов (защищенность прав собственности, эффективность государства, социокультурная специфика и др.). Влияние этих групп факторов на экономический рост многократно тестировалось с помощью статистических и эконометрических методов, однако однозначных результатов получить не удастся, поскольку имеются проблемы с измерением вклада тех или иных переменных в совокупный результат их действия. Безусловно, дихотомизация географических и институциональных факторов методологически некорректна и связана в большей степени с исторически сложившейся научной специализацией. Так, экономические географы на протяжении многих лет массово пренебрегали учетом роли институтов в пространственном развитии [23]. В свою очередь, институциональные экономисты излишне прямолинейно восприняли призыв Д. Норта в его нобелевской лекции к изучению институтов и времени, которые были ошибочно проигнорированы неоклассиками [29, р. 359]. Однако, сделав акцент на изменениях институтов во времени, институционалисты в значительной степени абстрагировались от территориальной специфики отдельных институтов и институциональной среды в целом.

В результате многоуровневый институциональный анализ развивается крайне асинхронно. Институты локального и регионального уровня все еще изучены сравнительно слабо и, образно говоря, образуют «темный этаж» иерархии институционального пространства. Во многом это обусловлено периферийным положением региональной экономики, экономической географии и регионалистики в целом (*regional science*) в современной системе гуманитарного знания. Причиной недостаточного внимания к регионам и другим субнациональным пространственным структурам как объектам институционального анализа является доминирование методологической дихо-

томии «холизм — индивидуализм», связанной с противопоставлением макро-систем и микроэлементов по критерию первичности [12]. Методологический индивидуализм является основой микроанализа, методологический холизм — фундаментом макроанализа. Регионы, как и другие субнациональные территориальные образования, представляют собой объекты, содержательно не отличающиеся от стран или межгосударственных объединений. Все они относятся к макропространству формирования регулярностей и норм поведения (институционализм) или агрегированных величин (неоклассический мейнстрим). Поэтому урбанистическая и региональная экономика наиболее часто представляются как специфические области приложения концепций и моделей макроэкономической теории, а «институциональное влияние пока лишь дополняет традиционный подход в региональной науке и практике» [2, с. 36]. Абстрагирование от специфики субнациональных территориальных образований в рамках институционального макроанализа связано еще и с тем, что международные компаративные исследования институтов более привлекательны с точки зрения как доступности данных, так и потенциала цитируемости работ. Как следствие этого, понимание влияния институтов на пространственное развитие остается на предельно обобщенном уровне метафор и констатаций очевидных фактов. Например, утверждается, что «специфические институциональные механизмы и конструкции любого пространства все чаще и чаще рассматриваются как фильтр, через который экономическая деятельность захватывает различные территории» [15, р. 136—137], а в образной модели «велосипеда регионального развития» стратегия и институты уподобляются колесам [37, р. 1042].

Пространственная укорененность (в данном исследовании термин «embeddedness» М. Грановеттера) [25] институтов, как и сам процесс их укоренения, редко принимаются во внимание и, соответственно, являются малоизученными в рамках институциональной экономики. Вместе с тем, «все основанные на трансакционных издержках гипотезы и сопоставления по поводу эффективности можно строить только исходя из реального или воображаемого status quo, причем они сохраняют силу лишь в среде, адекватной исходной ситуации; следовательно, все сравнения трансакционных издержек носят локальный характер» [31, р. 180]. Поскольку уровень и структура трансакционных издержек детерминируются институциональной средой, то значение локальных институтов и их пространственного контекста трудно переоценить [21; 46]. В этой связи нельзя согласиться с категоричным утверждением о том, что «институты не играют никакой самостоятельной роли. Условия формируют институты, и институты лишь передают причинно-следственные эффекты этих условий» [36, р. 527]. Конечно, институты — не автономный фактор социально-экономического развития, они всегда действуют в контекстно-

специфичных комбинациях других факторов территориально локализованной хозяйственной деятельности. Поэтому вычленение влияния институтов из всей совокупности эффектов, продуцируемых материальными и нематериальными факторами воспроизводства экономического пространства, представляет собой крайне сложную (если вообще решаемую) исследовательскую задачу. Вместе с тем, институты оказывают самостоятельное активное воздействие на пространственное развитие, причем гораздо большее, чем это традиционно представлялось в теории институциональных изменений.

Как и в эволюционной биологии [26; 32], в пространственной экономике и в целом экономической науке назрела необходимость отказа от представления об экзогенной среде как главном механизме отбора, который отводит институтам пассивную роль «трансляторов» или передаточных механизмов различных каузальных связей и эффектов. Институциональные изменения ($dIns/dt$) обычно полагаются зависимыми как от отдельных институтов и их структур (Ins), так и от среды их функционирования (E), тогда как средовые изменения (dE/dt) принимаются независимыми от активной роли институтов: $dIns/dt = f(Ins, E)$, $dE/dt = g(E)$. Эта парадигма отражена, в частности, в популярной теории «трансплантации» институтов, т. е. их копирования из более развитых хозяйственных систем в менее развитые с целью ускорения развития последних [35]. Данная теория отдает приоритет давлению эволюционного отбора со стороны среды, опираясь на устаревшие стереотипы биологической науки. Поэтому возникающие у скопированных институтов «трансплантационные дисфункции» обусловлены исключительно их несоответствием параметрам новой среды. Преодоление экстернализма традиционной парадигмы институциональных изменений предполагает модернизацию формулы: $dE/dt = g(Ins, E)$, что приводит к переосмыслению эволюции как процесса непрерывных прямых и обратных взаимодействий институтов и их ниш в экономическом пространстве с акцентом на отбор институтами (в лице их агентов) ресурсов среды и реконструирования ниши в соответствии с выполняемыми ими функциями и регулярностями поведения их агентов. Такой подход отражен в теории «трансплантации» организаций, представленной в работах Р. Флориды и М. Кинни, освещающей проблематику «международного трансфера организационных форм и практик» [22, р. 381], т. е. по сути институциональных моделей организации деятельности. Авторы аргументировали тем, что взаимодействие организационных форм и реципирующей среды происходит в обоих направлениях, поскольку «трансплантированные» формы организации часто осуществляют модификацию нового бизнес-ландшафта с учетом функциональных потребностей и ресурсов своих агентов.

Таким образом, институты оказывают активное влияние на пространственное развитие на всех его уровнях — от локального до глобального; ин-

ституты всегда пространственно укоренены и имеют территориальную специфику; институты действуют в комбинации как с географическими, так и с другими (человеческими, технологическими и т. д.) факторами; наконец, институты не только адаптируются к средовым изменениям, но и инициируют их, конструируя ниши в экономическом пространстве.

ИНСТИТУТЫ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ, НО ЧТО ОНИ СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЮТ?

Будучи бурно развивающимся научным направлением, институциональная экономика характеризуется высокой конкуренцией исследовательских программ и подходов, поэтому неудивительно, что единство среди институционалистов отсутствует даже в трактовке основной категории. Только лишь формируется консенсус по поводу методологических оснований единой теории институтов и институциональных изменений. Налицо явные затруднения в четком и однозначном определении институтов, которые трактуются разными авторами с произвольной степенью сужения или расширения. Странная конвенция состоит в том, что институты — это в равной мере образы мышления (Т. Веблен), правила (Д. Норт), правила и ментальные модели (М. Аоки), правила, убеждения и организации (А. Грейф) и т. д. Такая ситуация создает методологический барьер активизации институционального анализа на локальном и региональном уровнях. Так, исследователи региональных инновационных систем вынуждены признать, что разные авторы вкладывают в термин «институт» различный смысл, и часто предлагаемые дефиниции объединяют широкий массив качественно неоднородных явлений (от норм и рутин до университетов и государственной технологической политики) [43]. Например, утверждается, что «важнейшими структурными институтами реализации региональной политики ЕС являются международные фонды и программы» [4, с. 263], в результате чего смешиваются субъекты и инструменты регулирования. К институтам нередко относят региональное управление, социальный капитал, стратегические альянсы и партнерства в рамках местного сообщества, отношения с федеральным центром и т. д. Примеров такого рода категориального «либерализма» можно привести поистине великое множество. Результатом становится деградация категории «институт» и ее вырождение в сугубо таксономическую категорию — модный эквивалент понятия «феномен».

Хотя большинство исследователей используют минималистичные (моноаспектные) трактовки институтов как норм и правил, предлагаются и гораздо более развернутые определения. Так, Дж. Бьючанан с соавторами представил попытку всеобъемлющей дефиниции, связав ее с позициями ве-

дущих институционалистов. В их понимании институты — это системы норм и правил, которые устанавливают предписывающие стандарты поведения (А. Грейф, Дж. Ходжсон, Д. Норт); они характеризуются различными степенями формальности в широком диапазоне — от высокоформализованных правовых норм до неявных социальных норм и имплицитных конвенций (Э. Остром); они функциональны, обеспечивая снижение транзакционных издержек, связанных как с обменом, так и с производством (Р. Коуз, О. Уильямсон); они, с одной стороны, обеспечивают рефлексивность поведения, выступая его эндогенным фактором и обеспечивая адаптацию к долгосрочным изменениям среды (М. Аоки), с другой стороны, ограничивают поведение посредством стимулирования выбора агентов в краткосрочной перспективе (Д. Норт); они относительно стабильны, несмотря на адаптивные и эволюционные процессы (Дж. Ходжсон), изменяются в течение долгого времени и не могут быть напрямую спроектированы путем волевых решений (С. Войт) [16, р. 1–2]. Хотя это, скорее, конгломерат, а не синтез многих определений, приведенная макси-дефиниция показывает, насколько разнообразна современная институциональная теория. Однако авторы не учли, что под институтами также понимаются ментальные модели, в том числе паттерны, стереотипы, убеждения, представления и сценарии (Т. Веблен, М. Аоки, Д. Норт, А. Дензау), статусные функции (Дж. Серл) и организации (А. Грейф, Дж. Ходжсон, Р. Рихтер). При этом нет консенсуса по поводу того, какой именно вид институтов имеет первостепенное значение для социально-экономического, в том числе пространственного развития [37, р. 1039].

В подавляющем большинстве дефиниций институты рассматриваются изолированно от уровня, масштаба и специфики экономического пространства. Вместе с тем, в определении Э. Остром хотя и применяется стандартный нормативный подход (институты понимаются как наборы действующих правил), но вносится пространственная коннотация за счет акцентирования ключевой роли «арены действий» (*action arena*), которая образует структуру стимулов поведения субъектов и, в свою очередь, формируется характеристиками производимых и обмениваемых товаров, используемыми правилами, а также атрибутами сообщества участников соответствующих экономических отношений [33, р. 245, 257]. Привлечение внимания к роли сообществ как субъектов институциональных изменений является важным шагом в направлении территориализации институтов, их концептуального включения в пространственный контекст, поскольку любое сообщество эволюционирует в границах определенной территории, создавая специфические нормы, правила, рутины и традиции ее хозяйственного освоения и использования.

Полиморфизм институтов определяет многоаспектность их интерпретаций. В частности, региональные институты развития «как правило, отожд-

дествляются с особыми организациями, содействующими распределению ресурсов в пользу проектов реализации нового потенциала экономического роста», вместе с тем, «данный подход рассматривает только организационные аспекты механизмов функционирования таких институтов», поэтому его предлагается дополнить с позиции нормативного подхода, приняв, что «институт развития — это устоявшаяся норма взаимодействия между экономическими агентами, результатом применения которой является изменение состояния системы» [9; 11]. Совмещение структурного и нормативного подходов следует признать продуктивным направлением углубления представлений о региональных и других пространственных институтах. Например, к пространственно-специфичным институциональным структурам относят формальные (законы, подзаконные акты, распоряжения, инструкции и др.), неформальные (нормы, традиции, привычки, рутины, социальные конвенции и т. д.) и структурные (организации, сети) элементы, результатом взаимодействия которых является социальный капитал территории [37, р. 1037–1039]. Следует учитывать низкую операциональность сугубо нормативного подхода к определению пространственных институтов: так, институциональная плотность региона определяется через «число и разнообразие местных институтов (социальных привычек, норм, формальных и неформальных правил), влияющих на регламент взаимодействия и коммуникации (например, по типу сотрудничества или конфронтации) агентов местной экономики, формирование межфирменных, государственно-частных, общественно-государственных и других ассоциаций, партнерств, союзов» [7, с. 167]. Но огромную проблему представляет собой именно идентификация локальных норм, привычек и правил, без чего невозможен их количественный и качественный анализ. При этом необходимо также принимать во внимание влияние как эндогенных, так и экзогенных институтов на конкретное экономическое пространство: так, «институциональная организация региона включает в себя внутренние институты сообщества — такие как этические правила и обычаи — и внешние институциональные формы, воплощенные в конституции, законодательной системе и текущем законодательстве» [1, с. 296]. Так возможна ли универсальная классификация видового многообразия пространственных институтов?

Прежде всего важно перейти от восприятия институтов как достаточно статичных, жестко интегрированных систем к их пониманию как динамичных институциональных конфигураций в духе интегративного подхода А. Грейфа. В своих работах он показал целесообразность объединения функционального и структурного, эндогенного и экзогенного подходов к пониманию институтов, что позволяет избежать сужения и обеднения их определения, свойственных любому частному аналитическому подходу [3, с. 68–70].

Вместе с тем, предложенное им определение в большей степени микроаналитично и абсолютизирует экзогенность институтов, поэтому является открытым для дальнейших уточнений. Таким уточнением является введение понятия институциональной конфигурации, или институционального «микса», как эволюционирующего в экономическом пространстве комплекса функциональных, структурных, производных и комбинаторных форм институционального фактора.

Приведенное определение, очевидно, нуждается в пояснении. Оно базируется на разграничении институтов и институций. На необходимость этого методологического сдвига указывал еще Дж. Коммонс [19, р. 129], предложивший разделить институцию (как процесс) и институты (как продукты этого процесса, правила действий). Хотя он фактически отождествил институцию и институционализацию, сама постановка данного вопроса очень продуктивна. Институции (*institutions*) не тождественны институтам (*institutes*). В трактовке институций следует исходить из концепции Дж. Серла [41], продуктивно развитой в ряде работ [5; 6]. В предлагаемой интерпретации институции — это статусные функции, социально приписанные или закрепленные за субъектами, объектами и процессами пространственно-специфичной деятельности. Приписывание, присваивание (*assignment*) или закрепление (*fixation*) функций за людьми и их группами, предметами и процессами окружающего мира — одно из важнейших свойств человеческого общества. Субъектные формы институций — функции и виды локализованной экономической деятельности (*economic activities*), возникающие в результате общественного разделения труда, отдыха, производства, распределения, обмена и потребления. Институции определяют не только общие интересы, но и коллективные ценности своих агентов, как и их типичные потребности, а разнообразие персонифицированных институций выражается в индивидуальном «разбросе» идентичностей. Индивиды и группы выступают агентами (носителями и представителями) определенных институций в обществе и местном сообществе. Агенты комплементарных институций кооперируются в организации. Набор институций определяет тип организации (*mode of organization*) и является основой организационного дизайна. В понимании институтов следует отказаться от свойственной ранним работам автора настоящего исследования функционально-структуралистской традиции в пользу их определения как широкого набора производных форм институционального фактора, в том числе нормативных (формальных и неформальных), ментальных и символических. Институциональный фактор, объединяющий институции и институты как базовые и производные формы своего проявления, конкретно реализуется в процессной форме институционализации как нематериальной производительной силы упорядочивания трансформаций и трансакций (*табл. 1*).

**Полиморфизм институционального фактора
пространственного развития**

Термин	Определение
Институцио- нальные комбинации	Комбинации формальных и неформальных, ментальных и символических институтов, соотношение и взаимосвязь которых определяют специфику регулярностей поведения и моделей экономических отношений в конкретном экономическом пространстве
Институты	Производные формы институций, обеспечивающие их рутинизацию, стандартизацию и стереотипизацию (в том числе паттерны, рутины, нормы, правила, обычаи, ритуалы, процедуры, представления, убеждения, ценности, конвенции, контракты и др.)
Организации	Функционирующие в экономическом пространстве институциональные структуры как группы целенаправленно или стихийно взаимодействующих агентов с комплементарными институциями (сообщества, сети, предприятия, учреждения и др.)
Институции	Статусные функции, социально закреплённые за субъектами, объектами и процессами пространственно локализованной экономической деятельности

Таким образом, институциональная конфигурация конкретного экономического пространства охватывает множество территориально-специфичных функциональных (институции), структурных (организации), производных (институты) и комбинаторных (институциональные комбинации) форм проявления институционального фактора пространственного развития. Преимуществами предлагаемого интегративного (конфигуративного) подхода являются: органичное совмещение всех основных подходов к трактовке институтов и, соответственно, концепций институционального анализа, что повышает его комплексность; отказ от произвольного расширения и сужения содержания институтов, усиление операциональности данного термина и ограничение его содержательной «емкости»; разграничение институций и институтов как базовых и производных форм (продуктов) институционализации; четкое позиционирование организаций в аналитической рамке институционализма; акцентирование динамичности и гибкости институциональных комбинаций и конфигураций как асинхронно и асимметрично эволюционирующих сложных факторов развития пространственных образований.

**ИНСТИТУТЫ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ,
НО КАКОЕ ИМЕННО И КАК ЕГО ИЗМЕРИТЬ?**

Взаимосвязь институтов и социально-экономического развития не столь очевидна, как это часто представляется сторонникам их эндогенной интерпретации. Утверждая, что экономические институты эндогенны, как и все

социальные институты [13, р. 2] и культура в целом [44], т. е. регионы и другие пространственные образования не обеспечиваются институтами извне, исследователи приходят к выводу о том, что эффективные и продуктивные институты требуют значительных финансовых и временных затрат на их культивирование, поэтому более богатые регионы с высокой вероятностью будут обладать более качественными институтами. Возникает вопрос: являются ли институты причиной или следствием экономического роста территорий? Однако сама постановка такого вопроса методологически некорректна, поскольку причинно-следственные связи между качеством институтов и социально-экономическим развитием имеют прямой и обратный интерактивный характер. Безусловно, создание и поддержание институтов связаны с затратами, причем чем выше их качество, тем более дорогими они являются [17, р. 476], поэтому экономическое развитие территории объективно ведет к повышению спроса на высококачественные институты, стимулируя появление агентов институциональных изменений. Но такая логика рассуждений может привести к ошибочному принятию обратной причинно-следственной связи за прямую, требуя осторожных эмпирических оценок и учета контекста конкретной экономической системы [20, р. 37]. Институты являются и причиной, и следствием социально-экономического развития, они формируют экономическое пространство и, в свою очередь, формируются им. Поэтому роль институтов в развитии территорий не стоит ни преувеличивать, ни недооценивать. Следует учитывать, что институты являются эндогенными или экзогенными по своему происхождению (генерации), интернальными и экстернальными по их нахождению (локализации). В этом смысле абсолютизация эндогенности институтов не вполне обоснована, поскольку развитие любого экономического пространства детерминруется как эндо-, так и экзогенными институтами, а определенная часть интернальных институтов является следствием «трансплантации» экзогенных институциональных комбинаций. Чаще всего в случае институтов речь идет об их модельной эндогенности, т. е. их включении в качестве значимых переменных в различные формальные эконометрические модели. В рамках же концептуальных моделей необходимо признать двойственную природу институтов, их эндо-экзогенный характер.

Несмотря на то, что базовые факторы экономического развития территорий известны, определены и систематизированы, существует значительная нечеткость понимания межфакторных взаимосвязей, в частности, связей институтов с инфраструктурой, знаниями, инновациями и др. Это связано с тем, что все факторы пространственного развития имеют сложную композитную структуру, поэтому их анализ на высоком уровне абстракции дает искаженные результаты. Остается проблемой игнорирование контекстной

специфичности институтов, их включенности (интегрированности) в экономическое пространство территории и комбинирования с другими ресурсами и факторами хозяйственной деятельности. Кроме того, роль институтов в территориальных воспроизводственных процессах остается предметом дискуссий. Так, в концепции индекса глобальной конкурентоспособности (*Global Competitiveness Index*) институты относятся к опорным факторам и выступают детерминантами первого порядка для развития других факторов производства [45]. В альтернативных работах институты выступают опосредующими переменными, обеспечивающими трансформацию социальных и экономических ресурсов региона [42, р. 27–28]. Такая нечеткость статуса институтов является следствием их холистического представления как некой целостности или даже системы. Но институциональная среда любой территории в большей степени обладает свойствами гетерогенного, подчас суммативного множества институтов и институциональных комбинаций, влияние которых на экономический рост различно и специфично. Рассматривая влияние институтов в целом, исследователи чаще всего идут по ложному пути, поэтому возможной альтернативой широким межстрановым и кросс-региональным исследованиям является перенос акцента на изучение эффектов сфокусированных институциональных изменений.

Два десятилетия попыток измерения институтов (если датировать их хронологию с пионерной работы по оценке уровня транзакционных издержек Д. Норта и Дж. Уоллиса) показали наличие очевидных сложностей, связанных с отсутствием четкого разграничения институтов и «не-институтов»; чрезмерной обобщенностью и абстрактностью анализа вследствие агрегированных трактовок институтов; высокой ролью субъективизма в методиках институциональных измерений; проблемой исчисления институтов *de jure* и *de facto* [47]. Безусловно, то, что не имеет однозначного определения, не может быть адекватно измерено и стать предметом сопоставимых оценок. Кроме того, в подавляющем большинстве исследований измеряются не сами институты, а их эффекты [24], поэтому наиболее актуальной задачей является изолированный анализ влияния отдельных институтов, поскольку они всегда действуют комплексно, как среда, в составе других транзакционных и социальных факторов. Именно поэтому агрегированные показатели (интегральные индикаторы, композитные индексы и т. д.) дают слишком общую, нечеткую и недостоверную информацию, в связи с чем предлагается сосредоточиться на детальном количественном измерении влияния конкретных институтов. Практически во всех наиболее значимых и известных эмпирических работах, посвященных измерению институтов, анализировались не столько институты, сколько следствия проводимой на их основе политики; другими словами, в них измерялись не ограничения или стабильные пара-

метры экономики, а результаты политических решений или совокупного действия множества факторов, вычленив из которых институты объективно невозможно. Количественной оценке в основном подвергаются результаты действия институтов, которые зависят не только от самих институтов, но и от влияния других эндо- и экзогенных факторов, выделить из которых институциональный фактор в «чистом виде» крайне сложно, если вообще возможно.

В одних исследованиях измеряются формальные институты, в других – формальные и неформальные, в третьих – отдельные характеристики институциональной среды (права собственности, регулирование, трансакционные издержки и др.); одни работы опираются на данные официальной статистики, другие базируются на опросах экспертов, третьи – комбинируют статистический и экспертный методы. В ходе институциональных измерений используются как частные, так и интегральные индикаторы, подбор которых зачастую определяется исключительно доступностью данных. При этом из-за субъективной составляющей все измерения качества институтов неизбежно содержат ошибки и практически не поддаются корректному сопоставлению. Такого рода институциональный формализованный анализ приводит к содержательно скудным или нечетким, хотя эмпирически и технически довольно убедительным результатам. Кроме того, разработчики институциональных индексов и индикаторов часто проводят линейную связь между институтами и их результатами, что упрощает реальную сложность причинно-следственных связей между различными факторами социально-экономического развития. Нет никаких доказательств приоритета формальных норм перед неформальными, но количественная оценка последних представляет собой сверхамбициозную исследовательскую задачу. Поскольку объективных индикаторов институционального развития территорий не существует, то и сама идея измерения институтов все чаще подвергается критике, хотя «отрицание возможности оценки внутренних институтов никоим образом не отменяет их важности» [1, с. 297].

Очевидно, что не существует единственно верного способа измерения институтов, поскольку различные индикаторы и индексы отражают разные аспекты и формы институтов; тем не менее эти индексы, показатели и соответствующие методики должны все же каким-то образом корреспондироваться друг с другом [48], что предполагает достаточно длительный и сложный диалог о методологических конвенциях в области институционального анализа. Попытки разработки интегральных показателей качества институтов часто осложняются недостаточной корреляцией отдельных индикаторов, снижая надежность выводов и затрудняя установление статистически значимых связей между институтами и развитием. В целом же необходимо признать иллюзией возможность корректной объективной оценки количе-

ственных и качественных параметров территориальных институтов и институциональных сред, так же как и корректного компаративного анализа, что не отменяет необходимости такого рода исследований, но предполагает взвешенное отношение к их результатам. Очевидна необходимость сочетания в эмпирических исследованиях институтов методов и инструментов статистического и социологического подходов.

ИНСТИТУТЫ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ, НО КАК ВКЛЮЧИТЬ ИХ В СТРАТЕГИИ?

Проблемы измерения институтов, параметров их состояния и динамики, трудности с определением комбинаций формальных и неформальных институтов, а также причинно-следственных связей между институтами и развитием, с одной стороны, и между институтами и остальными эндогенными факторами развития, с другой, значительно снижают эмпирическую обоснованность институционалистских рекомендаций для экономической политики, особенно на региональном и местном уровнях, переводя нормативную функцию институциональной экономики в плоскость бенчмаркинга и внедрения лучших практик и институтов.

Строительство концептуального моста между институциональной теорией и экономической политикой территорий только началось, но уже ясно, что осознание значимости институтов предполагает разработку стратегий развития, в большей степени учитывающих специфику локальных институтов и институциональной среды. Институциональный компонент экономической политики регионов и городов должен обязательно учитываться и отражаться в структуре комплексных, функциональных и отраслевых стратегий территориального развития, при этом он должен быть специфичен для каждой территории. Важно признать, что не существует универсальных институциональных моделей пространственного развития, каждая территория (страна, регион, город и т. д.) должна вырабатывать свою специфическую модель, учитывающую национальные и местные институты, традиции и культуру, историю хозяйственного освоения и аллокации ресурсов, ментальность и идентичность населения и т. д. Понятно, что «институциональная структура является важнейшей частью региональной и местной стратегии экономического развития» [4, с. 259], но остается вопрос о том, «как институты могут быть включены в стратегии регионального развития» [37, р. 1036]. Существуют как минимум два варианта ответа на него: во-первых, возможно выделение в стратегиях социально-экономического развития территорий особого блока, посвященного институциональной проблематике; во-вторых, могут быть разработаны самостоятельные стратегии развития, базирующиеся на

институтах, или стратегии институционального развития территорий, полностью посвященные вопросам использования институтов в качестве драйверов экономического роста.

Институциональный блок территориальных стратегий должен, прежде всего, включать анализ и направления совершенствования нормативно-правовой среды и регулятивных механизмов с детализацией по сферам и видам социальной и экономической деятельности. Институциональную среду территории при этом целесообразно рассматривать комплексно, не допуская сужения ее содержания, в частности, избегая ее отождествления с инвестиционным климатом. Особое внимание следует уделить территориальным институтам развития, т. е. организациям, специализированно выполняющим критически значимые для данной территории функции, определяющие ее долгосрочные конкурентные перспективы. Вместе с тем, не стоит преувеличивать роль такого рода структур, поскольку более важное значение имеет осуществление соответствующих функций развития, которые могут быть распределены между разными организациями и органами, в связи с чем проекты создания в субъектах РФ сети региональных агентств развития [8] подвергаются справедливой критике за чрезмерный структурализм [10]. Разработка территориальных стратегий, базирующихся на институтах, предполагает не только выявление институциональных ограничений эффективного использования различных категорий локальных ресурсов (человеческих, природных, технологических и др.), но, в первую очередь, определение направлений конструирования высококачественной институциональной среды для различных категорий стейкхолдеров при их активном участии. Институционально ориентированные стратегии реалистичны только при условии наличия системы индикаторов, по возможности корректно отражающих их результативность. Такие стратегии должны базироваться на принципах активной межведомственной координации и вовлечения структур гражданского общества, что обусловлено комплексностью решаемых проблем. Необходимо задействовать достаточно широкий спектр жестких и мягких форм территориальной институциональной политики, особое внимание уделив стимулированию и поддержке добровольных институциональных инициатив.

В любом случае включение институтов в территориальные стратегии направлено на решение двух комплексных задач – повышение институционального разнообразия конкретного экономического пространства и сокращение транзакционных издержек в его границах. Институциональное разнообразие характеризует количество и вариабельность территориально локализованных институций (видов экономической и социальной деятельности) и специализированных структур коммерческого, государственного и

общественного секторов. Уровень транзакционных издержек отражает объем финансовых и временных затрат, связанных с выполнением правил и прохождением процедур при осуществлении различных видов деятельности.

Методология разработки институционально ориентированных стратегий территориального развития может быть сформирована на основе синтеза подходов институциональной и поведенческой экономики. Когнитивный подход представлен Всемирным банком в качестве методологической базы Доклада о мировом развитии 2015 г. Данный доклад базируется на трех основных концептуальных идеях: 1) люди думают быстро, полагаясь на интуицию гораздо чаще, чем на тщательный рациональный анализ; 2) в процессе мышления используются ментальные модели, интегрированные в специфическую культуру, в результате чего социокультурный контекст оказывает значительное влияние на суждения, решения и поведение людей; 3) социальные эмоции и нормы определяют большую часть человеческих действий. Эти идеи образуют каркас нового нормативного подхода к государственному регулированию социально-экономического развития и могут быть достаточно адекватно применены к управлению развитием территорий субнационального уровня.

Лежащие в основе Доклада о мировом развитии 2015 г. «узловые» идеи сгенерированы в передовых областях экономического знания — поведенческой экономике и нейроэкономике. Главный посыл доклада состоит в следующем. Любая социально-экономическая стратегия или политика предполагает управляемое изменение поведения множества людей, относящихся к различным, часто пересекающимся социальным группам (инвесторов, предпринимателей, потребителей, работников частного и бюджетного секторов, молодежи, пенсионеров и др.) в соответствии с устанавливаемыми приоритетами и стимулами. Например, установление в качестве стратегического приоритета развития агробизнеса должно сформировать у фермеров и сетевых ритейлеров позитивные ожидания и создать им достаточные стимулы к расширению объема производства сельскохозяйственной продукции и увеличению объема закупок у местных производителей. Однако эта причинно-следственная связь базируется на явном или неявном предположении о высокой рациональности принятия решений, основой которого является калькуляция затрат и выгод альтернативных вариантов действий. Если же люди в большинстве случаев принимают решения быстро и спонтанно, что уже доказано в многочисленных научных работах, то данное предположение не выполняется и эффективность политики объективно снижается. Следовательно, использование реалистичных предпосылок о принятии решений и поведении людей является основой повышения эффективности политик и стратегий, в том числе реализуемых на местном и региональном уровнях. Теоретики и

практики территориального развития должны, с одной стороны, глубже понять специфику когнитивной деятельности индивидов, с другой стороны, широко осмыслить влияние ментальных моделей, используемых людьми, и активирующих или ограничивающих их социальных контекстов и норм.

Хотя поведенческая экономика является очень влиятельной парадигмой выработки регулятивной политики в США и Великобритании, а также во многих странах ОЭСР, ее позиционирование в качестве концептуальной основы стратегического планирования и управления – инновация Всемирного банка. Разрабатываемые на основе когнитивного подхода местные и региональные политики должны включать следующие компоненты: архитектура выбора (способ описания ситуации выбора), фреймы (смысловые рамки ситуации выбора), эмпирические правила (упрощенные модели практических действий в данной ситуации), варианты изменения ментальных моделей и социальных норм. Это требует серьезного изменения образа мышления администраторов регионального и местного уровней. Так, стагнация какого-либо пространственного образования должна рассматриваться не как характеристика его состояния, а как характеристика среды, влияющей на принятие решений, которая может быть изменена за счет мягких, направляющих воздействий на мотивацию поведения различных категорий резидентов.

Когнитивный подход Всемирного банка отчасти является и институциональным, поскольку учитывает воздействие на человеческое поведение социальных норм, которые традиционно являются предметом изучения в экономическом и социологическом институционализме. Вместе с тем, институциональные экономисты внесли значительный вклад в исследования ментальных моделей, представлений и убеждений, делая акцент на их институционализации, т. е. «укоренении» (массовом распространении), упорядочении (согласовании с другими образами мыслей) и достижении ими устойчивости (снижении изменчивости при изменении внешних условий) в широком институциональном контексте, а также на сопряженных с этими процессами транзакционных издержках и трансформациях регулярностей (типичных форм) поведения. Кроме того, институционалисты чаще всего рассматривают людей не в качестве автономных субъектов, а, прежде всего, как представителей разнообразных институциональных структур, носителей соответствующих коллективных интересов и ценностей. Поэтому представляется целесообразным расширить концепцию Всемирного банка и обосновать методологические рамки когнитивно-институционального подхода к формированию стратегии и политики территориального (городского и регионального) развития.

Подчеркнем, что данный подход не является новой парадигмой стратегического развития территорий, которой, на наш взгляд, должна оставаться

парадигма устойчивого развития. Как и концепция нового государственного менеджмента (*New Public Management*), это, скорее, набор принципов и связанных с ними общих рекомендаций к дизайну территориальных стратегий, при этом набор применяемых методов и инструментов остается без принципиальных изменений, лишь дополняясь и модифицируясь.

Ключевыми методологическими принципами когнитивно-институционального подхода являются:

- признание ограниченной рациональности людей, стимулирующей их к использованию эвристик (интуитивных приемов, практик и правил мышления и поведения) для сокращения затрат индивидуальных когнитивных (мыслительных) ресурсов, что искажает сигналы и стимулы, поступающие от органов управления;
- признание необходимости ориентации всего процесса стратегического планирования и развития на ключевых стейкхолдеров (группы субъектов, связанных своими интересами с прогрессивным развитием территории), их максимальное вовлечение в стратегические процессы, их подготовку и реализацию;
- признание фундаментальной роли обсуждения и убеждения как коммуникационных технологий формирования общих ментальных моделей, а также маркетингового инструментария создания и продвижения коллективных представлений населения о различных проблемах стратегического развития территорий и способах их решения;
- признание приоритетным направлением регулятивной политики курса на минимизацию транзакционных и когнитивных издержек участников регулируемых процессов;
- признание критической значимости социальной интеграции экономических институтов и процессов, ключевой роли местных сообществ и локальных неформальных норм, ценностей, традиций, идентичностей;
- особое внимание к культуре как комплексу территориально-специфичных ментальных моделей, влияющих на восприятие людьми среды своего проживания, их идентичности и понимания (в том числе неверного) или непонимания сигналов и стимулов, идущих от рынка, общества или государства.

Операционализация любого концептуального подхода предполагает выдвижение на его основе конкретных рекомендаций органам власти. Представим некоторые практические принципы конструирования нового поколения стратегий и политик территориального развития, базирующихся на когнитивно-институциональном подходе:

- идентификация наиболее значимых групп стейкхолдеров (с достаточной степенью детализации), определение комплекса их интересов и потребностей в институциональном обеспечении;

- снижение «когнитивных налогов», связанных с доступом к различным административным сервисам и информации о правилах и механизмах регулирования (максимальная открытость, быстрая обновляемость, использование дружелюбных для пользователей интерфейсов и понятного языка и т. д.);
- своевременное выявление и поддержка инициатив «снизу», позитивных самозарождающихся тенденций и регулярностей поведения;
- вовлечение местного сообщества (в том числе общественных организаций, волонтеров, участников краудсорсинговых проектов и др.) в формирование и пропаганду новых социальных норм и ментальных моделей.

Существенной проблемой внедрения когнитивно-институционального подхода является его фокусировка на непосредственно не наблюдаемых ментальных процессах и явлениях. В этом отличие метода поведенческой (бихевиористской) экономики от классического бихевиоризма, предметом анализа которого является исключительно поддающееся измерению наблюдаемое поведение; не случайно предлагается использовать в ее отношении термин «когнитивистская экономика». Результатом является сложность измерения результатов стратегических решений и действий. Не менее важными проблемами представляются ограниченная самостоятельность регионов и особенно городов в вопросах институциональной политики, а также перекос в структуре стейкхолдеров подавляющего большинства стратегий территориального развития, в которых население представлено как пассивный объект разного рода воздействий и не рассматривается в роли субъекта изменений. При этом, как правило, отсутствует дифференцированный подход к структуре населения, не выделяются значимые социальные группы и не учитываются их специфические интересы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институты имеют принципиальное значение для развития пространственной экономики как в гносеологическом, так и в онтологическом смысле. Гносеологически внедрение институтов в теоретические и эконометрические модели территориального развития, переосмысление полиморфизма институционального фактора эволюции экономического пространства, развитие концепции институциональных конфигураций позволят конструктивно модифицировать исследовательскую программу пространственной экономики и укрепить ее позиции в авангарде экономической науки. Онтологически отказ от недооценки и абсолютизации роли институтов в развитии пространственных структур, углубление изучения взаимосвязи институционального фактора с другими факторами территориального воспроизводства, признание объективных ограничений корректной количественной оценки

вклада институтов в экономический рост и развитие комбинированных методик пространственных институциональных измерений, внедрение институционального компонента в стратегии социально-экономического развития территорий и применение когнитивно-институционального подхода к институциональному проектированию и стратегированию создадут возможности сближения институциональной теории и практики управления пространственными трансформациями экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерссон Д.Е.* Институты и сети: тайваньские экспортно ориентированные промышленные зоны // Ворота в глобальную экономику. М.: ФАЗИС, 2001. С. 295–308.
2. *Гареев Т.Р.* Региональный институционализм: Terra Incognita или Terra Ficta? // Journal of Institutional Studies = Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 2. С. 27–37.
3. *Грейф А.* Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 536 с.
4. Институциональные меры реализации стратегии регионального развития: обзор международного опыта // Регион: экономика и социология. 2007. № 3. С. 259–277.
5. *Инишаков О.В.* Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 42–51.
6. *Инишаков О.В., Фролов Д.П.* Лингвистика институциональной экономики. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. 280 с.
7. *Пилясов А.Н.* Алтайский край: опыт институционального анализа // Вестник АРГО. 2012. № 1. С. 166–187.
8. *Полтерович В.М.* Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. 2011. № 4. С. 17–29.
9. *Попов Е.В., Власов М.В., Симахина М.О.* Институты регионального развития экономики знаний // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 4. С. 2–7.
10. *Сухарев О.С.* Институты регионального развития: концептуально-практический анализ организационных изменений // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 4. С. 2–12.
11. *Татаркин А.И., Котлярова С.Н.* Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. 2013. № 3. С. 9–18.
12. *Фролов Д.П.* Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 122–150. DOI: 10.14530/se.2013.4.122–150.
13. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth / NBER. Working Paper No. 10481. 2004. 111 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w10481.pdf> (дата обращения: 18.01.2015).
14. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. No. 4. Pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025.
15. *Barca F., McCann Ph., Rodriguez-Pose P.* The Case for Regional Development Intervention: Place-Based Versus Place-Neutral Approaches // Journal of Regional Science. 2012. Vol. 52. No. 1. Pp. 134–152. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00756.x.

16. *Buchanan J., Chai D.H., Deakin S.* Empirical Analysis of Legal Institutions and Institutional Change: Multiple-Methods Approaches and their Application to Corporate Governance Research // *Journal of Institutional Economics*. 2014. Vol. 10. No. 1. Pp. 1–20. DOI: 10.1017/S1744137413000349.
17. *Chang H.-J.* Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History // *Journal of Institutional Economics*. 2010. Vol. 7. No. 4. Pp. 473–498. DOI: 10.1017/S1744137410000378.
18. *Clifton E.V., Romero-Barrutieta A.* Institutions Versus Geography: Subnational Evidence from the United States / IMF. Working Paper WP/06/169. 2006. 24 p. DOI: 10.5089/9781451864298.001.
19. *Commons J.R.* The Economics of Collective Action. Madison: University of Wisconsin Press, 1950. 436 p.
20. *Edison H.* How Strong are the Links between Institutional Quality and Economic Performance? // *Finance and Development*. 2003. Vol. 40. No. 2. Pp. 35–37.
21. *Farole T., Rodriguez-Pose A., Storper M.* Human Geography and the Institutions that Underlie Economic Growth // *Progress in Human Geography*. 2011. Vol. 35. No. 1. Pp. 58–80. DOI: 10.1177/0309132510372005.
22. *Florida R., Kenney M.* Transplanted Organizations: The Transfer of Japanese Industrial Organization to the U.S. // *American Sociological Review*. 1991. Vol. 56. No. 3. Pp. 381–398.
23. *Gertler M.* Rules of the Game: The Place of Institutions in Regional Economic Change // *Regional Studies*. 2010. Vol. 44. No. 1. Pp. 1–15. DOI: 10.1080/00343400903389979.
24. *Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A.* Do Institutions Cause Growth? // *Journal of Economic Growth*. 2004. Vol. 9. No. 3. Pp. 271–303. DOI: 10.1023/B:JOEG.0000038933.16398.ed.
25. *Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3. Pp. 481–510.
26. *Laland K.N., Odling-Smee J., Feldman M.W., Kendal J.* Conceptual Barriers to Progress within Evolutionary Biology // *Foundations of Science*. 2009. Vol. 14. No. 3. Pp. 195–216. DOI: 10.1007/s10699-008-9153-8.
27. *Livingston S.G.* The Politics of International Agenda-Setting: Reagan and North-South Relations // *International Studies Quarterly*. 1992. Vol. 36. No. 3. Pp. 313–330.
28. *Lorenz A., Hemmer H.-R., Ahlfeld S.* The Economic Growth Debate – Geography Versus Institutions: Is There Anything Really New? // *Entwicklungsökonomische Diskussionsbeiträge = Discussion Papers in Development Economics*. 2005. No. 34. 19 p.
29. *North D.C.* Economic Performance through Time // *The American Economic Review*. 1994. Vol. 84. No. 3. Pp. 359–368.
30. *North D.C.* Institutions Matter // *Economic History*. 1994. No. 9411004. URL: <http://128.118.178.162/eps/eh/papers/9411/9411004.pdf> (дата обращения: 28.12.2014).
31. *Nutzinger H.G.* The Economics of Property Rights – A New Paradigm in Social Science? // *Philosophy and Economics* / Edited by W. Stegmüller, W. Balzer, W. Spohn. Berlin: Springer – Verlag, 1982. Pp. 169–190. DOI: 10.1007/978-3-642-68820-1_10.
32. *Odling-Smee F., Laland K., Feldman M.* Niche Construction: The Neglected Process in Evolution. N.Y.: Princeton University Press, 2003. 488 p.
33. *Ostrom E.* Challenges and Growth: The Development of the Interdisciplinary Field of Institutional Analysis // *Journal of Institutional Economics*. 2007. Vol. 3. No. 3. Pp. 239–264. DOI: 10.1017/S1744137407000719.
34. *Parent O., Zouache A.* Geography Versus Institutions: New Perspectives on the Growth of Africa and the Middle East // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 2012. Vol. 168. No. 3. Pp. 488–518. DOI: 10.1628/093245612802921006.

35. *Polterovich V.* Institutional Trap // The New Palgrave Dictionary of Economics. Second Edition / Edited by S.N. Durlauf, L.E. Blume. Palgrave Macmillan, 2008. DOI: 10.1057/9780230226203.0809.
36. *Przeworski A.* Institutions Matter? // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. No. 4. Pp. 527–540. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00134.x.
37. *Rodríguez-Pose A.* Do Institutions Matter for Regional Development? // Regional Studies. 2013. Vol. 47. No. 7. Pp. 1034–1047. DOI: 10.1080/00343404.2012.748978.
38. *Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F.* Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development / NBER. Working Paper No. 9305. 2002. 44 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w9305.pdf> (дата обращения: 18.12.2014).
39. *Sachs J.D.* The Role of Geography and Resource Endowments in Development Shouldn't be Underestimated // Finance and Development. 2003. Vol. 40. No. 2. Pp. 38–41.
40. *Saha B.* Institutions or Geography: Which Matters Most for Economic Development? // Journal of Interdisciplinary Economics. 2013. Vol. 25. No. 1–2. Pp. 69–89. DOI: 10.1177/0260107914524668.
41. *Searle J.R.* The Construction of Social Reality. N.Y.: Free Press, 1995. 242 p.
42. *Stimson R.J., Stough R.R., Salazar M.* Leadership and Institutional Factors in Endogenous Regional Economic Development // Investigaciones Regionales. 2005. No. 7. Pp. 23–52.
43. Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations / Edited by Ch. Edquist. London, 1997. 432 p.
44. *Tabellini G.* Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe // Journal of the European Economic Association. 2010. Vol. 8. No. 4. Pp. 677–716. DOI: 10.1111/j.1542-4774.2010.tb00537.x.
45. The Global Competitiveness Report 2011–2012 / Edited by K. Schwab. World Economic Forum. Geneva, 2011. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011-12.pdf (дата обращения: 02.12.2014).
46. *Tomaney J.* Region and Place I: Institutions // Progress in Human Geography. 2014. Vol. 38. No. 1. Pp. 131–140. DOI: 10.1177/0309132513493385.
47. *Voigt S.* How (Not) to Measure Institutions // Journal of Institutional Economics. 2013. Vol. 9. No. 1. Pp. 1–26. DOI: 10.1017/S1744137412000148.
48. *Woodruff Ch.* Measuring Institutions // International Handbook on the Economics of Corruption / Edited by S. Rose-Ackerman. Cheltenham: Edward Elgar, 2006. Pp. 105–124. DOI: 10.4337/9781847203106.00009.

DO INSTITUTIONS MATTER IN SPATIAL ECONOMICS?

D.P. Frolov

Frolov Daniil Petrovich – Doctor of Economics, Professor, Chair. Volgograd State University, 100 Universitetskiy pr-t, Volgograd, Russia, 400062. Email: ecodev@mail.ru.

The article discusses the importance of institutions as the subject of spatial analysis, component of economic space and object of territorial strategic regulation. The author identifies methodological contradictions of the modern theory of spatial economics associated with contrast between

This article was prepared with the support of RFH, project No. 15-12-34012.

institutional and geographical factors, ignoring polymorphism of institutions, the role of institutional configurations and the prevalence of exogenous interpretation of institutions. The author also classifies problems of measuring the quality of institutions and their integration in territorial strategies, including ignoring the interplay between institutions and other factors of spatial development, the absolutization of the role of integral indicators, the weakness of the methodological and methodical bases of formation of institutionalization strategies at regional and local levels.

Keywords: institutions, economic space, institutional configurations, institutionalization strategy, cognitive-institutional approach.

REFERENCES

1. Andersson D.E. Institutions and Networks: Taiwan's Export-Oriented Industrial Zone. *Gateways to the Global Economy*. Moscow, 2001, pp. 295–308. (In Russian).
2. Gareev T.R. Regional Institutionalism: Terra Incognita or Terra Ficta? *Journal of Institutional Studies = Zhurnal Institutstionalnyh Issledovaniy*, 2010, vol. 2, no. 2, pp. 27–37. (In Russian).
3. Greif A. *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Moscow: State University – Higher School of Economics, 2013, 536 p. (In Russian).
4. Institutional Arrangements the Implementation of the Strategy of Regional Development: A Review of International Experience. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2007, no. 3, pp. 259–277. (In Russian).
5. Inshakov O.V. Social Nature and Specifics, Typology and Classification of Economic Institutions. *Sotsiologicheskie Issledovaniya – Sociological Studies*, 2003, no. 9, pp. 42–51. (In Russian).
6. Inshakov O.V., Frolov D.P. *Linguistics Institutional Economics*. Volgograd, 2010, 280 p. (In Russian).
7. Pilyasov A.N. Altai Territory: the Experience of Institutional Analysis. *Vestnik ARGO* [Bulletin of the ARGO], 2012, no. 1, pp. 166–187. (In Russian).
8. Polterovich V.M. Regional Institutions of Modernization. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii* [The Economic Science of Contemporary Russia], 2011, no. 4, pp. 17–29. (In Russian).
9. Popov E.V., Vlasov M.V., Simahina M.O. Institutes of Regional Development of Economy of Knowledge. *Regionalnaya Ekonomika: Teoriya i Praktika – Regional Economics: Theory and Practice*, 2010, no. 4, pp. 2–7. (In Russian).
10. Sukharev O.S. Institutions of Regional Development: Conceptual and Practical Analysis of Organizational Changes. *Ekonomicheskii Analiz: Teoriya i Praktika – Economic Analysis: Theory and Practice*, 2012, no. 4, pp. 2–12. (In Russian).
11. Tatarkin A.I., Kotlyarova S.N. Regional Development Institutions as an Economic Growth Factors. *Ekonomika Regiona* [Regional Economy], 2013, no. 3, pp. 9–18. (In Russian).
12. Frolov D.P. Multilevel Hierarchy of Economic Space: Formation of Evolutionary Taxonomy. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2013, no. 4, pp. 122–150. (In Russian). DOI: 10.14530/se.2013.4.122–150.
13. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. *Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth*. NBER Working Paper No. 10481, 2004, 111 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w10481.pdf> (accessed 18.01.2015).
14. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *Quarterly Journal of Economics*, 2002, vol. 117, no. 4, pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025.

15. Barca F., McCann Ph., Rodriguez-Pose P. The Case for Regional Development Intervention: Place-Based Versus Place-Neutral Approaches. *Journal of Regional Science*, 2012, vol. 52, no. 1, pp. 134–152. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00756.x.
16. Buchanan J., Chai D.H., Deakin S. Empirical Analysis of Legal Institutions and Institutional Change: Multiple-Methods Approaches and their Application to Corporate Governance Research. *Journal of Institutional Economics*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 1–20. DOI: 10.1017/S1744137413000349.
17. Chang H.-J. Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History. *Journal of Institutional Economics*, 2010, vol. 7, no. 4, pp. 473–498. DOI: 10.1017/S1744137410000378.
18. Clifton E.V., Romero-Barrutieta A. *Institutions Versus Geography: Subnational Evidence from the United States*. IMF. Working Paper WP/06/169. 2006, 24 p. DOI: 10.5089/9781451864298.001.
19. Commons J.R. *The Economics of Collective Action*. Madison: University of Wisconsin Press, 1950, 436 p.
20. Edison H. How Strong are the Links between Institutional Quality and Economic Performance? *Finance and Development*, 2003, vol. 40, no. 2, pp. 35–37.
21. Farole T., Rodriguez-Pose A., Storper M. Human Geography and the Institutions that Underlie Economic Growth. *Progress in Human Geography*, 2011, vol. 35, no. 1, pp. 58–80. DOI: 10.1177/0309132510372005.
22. Florida R., Kenney M. Transplanted Organizations: The Transfer of Japanese Industrial Organization to the U.S. *American Sociological Review*, 1991, vol. 56, no. 3, pp. 381–398.
23. Gertler M. Rules of the Game: The Place of Institutions in Regional Economic Change. *Regional Studies*, 2010, vol. 44, no. 1, pp. 1–15. DOI: 10.1080/00343400903389979.
24. Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth*, 2004, vol. 9, no. 3, pp. 271–303. DOI: 10.1023/B:JOEG.0000038933.16398.ed.
25. Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*, 1985, vol. 91, no. 3, pp. 481–510.
26. Laland K.N., Odling-Smee J., Feldman M.W., Kendal J. Conceptual Barriers to Progress within Evolutionary Biology. *Foundations of Science*, 2009, vol. 14, no. 3, pp. 195–216. DOI: 10.1007/s10699-008-9153-8.
27. Livingston S.G. The Politics of International Agenda-Setting: Reagan and North-South Relations. *International Studies Quarterly*, 1992, vol. 36, pp. 313–330.
28. Lorenz A., Hemmer H.-R., Ahlfeld S. The Economic Growth Debate – Geography Versus Institutions: Is There Anything Really New? *Entwicklungsökonomische Diskussionsbeiträge = Discussion Papers in Development Economics*, 2005, no. 34, 19 p.
29. North D.C. Economic Performance through Time. *The American Economic Review*, 1994, vol. 84, no. 3, pp. 359–368.
30. North D.C. Institutions Matter. *Economic History*, 1994, no. 9411004. Available at: <http://128.118.178.162/eps/eh/papers/9411/9411004.pdf> (accessed 28 December 2014).
31. Nutzinger H.G. The Economics of Property Rights – A New Paradigm in Social Science? Edited by W. Stegmüller, W. Balzer, W. Spohn. *Philosophy and Economics*, Berlin: Springer – Verlag, 1982, pp. 160–190. DOI: 10.1007/978-3-642-68820-1_10.
32. Odling-Smee F., Laland K., Feldman M. *Niche Construction: The Neglected Process in Evolution*. N.Y.: Princeton University Press, 2003, 488 p.
33. Ostrom E. Challenges and Growth: The Development of the Interdisciplinary Field of Institutional Analysis. *Journal of Institutional Economics*, 2007, vol. 3, no. 3, pp. 239–264. DOI: 10.1017/S1744137407000719.

34. Parent O., Zouache A. Geography Versus Institutions: New Perspectives on the Growth of Africa and the Middle East. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 2012, vol. 168, no. 3, pp. 488–518. DOI: 10.1628/093245612802921006.
35. Polterovich V. Institutional Trap. *The New Palgrave Dictionary of Economics*, Second Edition. Edited by S.N. Durlauf, L.E. Blume. Palgrave Macmillan, 2008. DOI: 10.1057/9780230226203.0809.
36. Przeworski A. Institutions Matter? *Government and Opposition*, 2004, vol. 39, no. 4, pp. 527–540. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00134.x.
37. Rodriguez-Pose A. Do Institutions Matter for Regional Development? *Regional Studies*, 2013, vol. 47, no. 7, pp. 1034–1047. DOI: 10.1080/00343404.2012.748978.
38. Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. *Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development*. NBER Working Paper no. 9305, 2002, 44 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w9305.pdf> (accessed 18 December 2014).
39. Sachs J.D. The Role of Geography and Resource Endowments in Development Shouldn't be Underestimated. *Finance and Development*, 2003, vol. 40, no. 2, pp. 38–41.
40. Saha B. Institutions or Geography: Which Matters Most for Economic Development? *Journal of Interdisciplinary Economics*, 2013, vol. 25, no. 1–2, pp. 69–89. DOI: 10.1177/0260107914524668.
41. Searle J.R. *The Construction of Social Reality*. N.Y.: Free Press, 1995, 242 p.
42. Stimson R.J., Stough R.R., Salazar M. Leadership and Institutional Factors in Endogenous Regional Economic Development. *Investigaciones Regionales*, 2005, no. 7, pp. 23–52.
43. *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations*. Edited by Ch. Edquist. London, 1997, 432 p.
44. Tabellini G. Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe. *Journal of the European Economic Association*, 2010, vol. 8, no. 4, pp. 677–716. DOI: 10.1111/j.1542-4774.2010.tb00537.x.
45. *The Global Competitiveness Report 2011–2012*. Edited by K. Schwab. World Economic Forum. Geneva, 2011. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011–12.pdf (accessed 02 December 2014).
46. Tomaney J. Region and Place I: Institutions. *Progress in Human Geography*, 2014, vol. 38, no. 1, pp. 131–140. DOI: 10.1177/0309132513493385.
47. Voigt S. How (Not) to Measure Institutions. *Journal of Institutional Economics*, 2013, vol. 9, no. 1, pp. 1–26. DOI: 10.1017/S1744137412000148.
48. Woodruff Ch. Measuring Institutions. *International Handbook on the Economics of Corruption*. Edited by Rose-Ackerman S. Cheltenham: Edward Elgar, 2006, pp. 105–124. DOI: 10.4337/9781847203106.00009.